

*Чтобы превратить услугу во впечатление,
достаточно предоставить плохое обслуживание.
Вы потеряете деньги и, возможно, свой бизнес и убедитесь – экономика
впечатлений работает вокруг вас.*

Закон экономики впечатлений

*Технический музей предоставляет информацию и предлагает
правдоподобные интерактивные впечатления.*

Из выступлений по музейному бизнесу

*Построенные на впечатлениях деловые отношения позволяют
маркетологам определить самое лучшее место для продажи продукции.*

Закон маркетинга

ПАМЯТНИК ПРОМЫШЛЕННОЙ КУЛЬТУРЫ МЕМОРИАЛУ НЕ ПОМЕХА

Сергей РОЗАНОВ, Иван ДЕНИСЕНКО, Дмитрий МИТЮРИН

Мегалополисы выдавливают из своих центров промышленные предприятия. Что делать со старыми почерневшими кирпичными стенами и трубами? Неужели старым машинам и станкам не место в гуще культурной жизни и торговли? На эти вопросы неправильно ответят лишь профаны и недалекие чиновники, незнакомые с закономерностями работы экономики впечатлений.

В Петербурге еще можно встретить памятники промышленной архитектуры XIX века, созданные выдающимися архитекторами и отражающие художественные вкусы их владельцев. Столица Российской империи середины XIX века открывала перед предприимчивыми людьми со всего мира широчайшие возможности. Русское дворянство желало жить в роскоши и являлось благодарным потребителем всего иностранного, обирая для этого своих крепостных крестьян.

Когда же иностранцы изъявляли желание не только торговать европейскими промышленными товарами, но и открывать фабрики в России, русские чиновники широко распахивали перед ними все двери: эксплуатируйте русского мужика и бабу, сколько вашей душе угодно, если не забудете о нашем интересе. Развивать в России образование, науку, промышленность, опираясь на великороссов, — дело хлопотное и не-

безопасное, рассуждали чиновники из дворянской среды. Беднеющие дворяне с легкостью закладывали свои усадьбы ради членства в различного рода акционерных обществах и товариществах, наивно полагая, что иностранец признает его, говорящего по-французски с нижегородским акцентом, за своего.

Здания корпусов «Товарищества Российско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник» занимают на южном берегу Обводного канала огромную территорию. Когда-то марку «Треугольник» хорошо знали в России

и Европе — продукция петербургской фабрики — галоши — красовалась в витринах лучших магазинов. Промышленные кирпичные корпуса фабрики производят сильное впечатление. Неужели их следует снести и построить новодел XXI века, после того как производство галош и других резинотехнических изделий выведено из центра Петербурга? Может быть, старые кирпичные стены в состоянии заинтересовать предпринимателей XXI века? После реконструкции?

Ведь удастся в Европе и США найти чудачков, желающих иметь офис, ресторан и даже жилье в старых промышленных зданиях, сохраняющих ни с чем не сравнимое очарование мощи, энергии и связи с вечностью?

— *Сколько стоит вид из окна на Обводный канал?* — *С этого вопроса начался разговор корреспондента журнала «Конкуренция и рынок» с Александром Харламовым, заместителем генерально-*

го директора группы компаний «Невский Альянс».

— В старом Петербурге есть промышленные здания, которые покинула фабричная жизнь. Это закон кругов ме-

гаполиса. С одной стороны, устаревшим предприятиям не место в центре города. С другой — если земля в центре может приносить больше прибыли при возведении делового центра или жилья, то собственники промышленного здания

пойдут на его перепрофилирование или даже снос.

— Хороший вид из окна вы продадите дорого?

— Деловой человек значительную часть жизни проводит на работе. Разве он не может позволить себе любоваться видом из окна в таком прекрасном городе, как Петербург? Конечно, вид из окна продается и стоит дорого.

— Экономика впечатлений работает в Петербурге?

— Вовсю. Приступая к продаже офисов и квартир, наши специалисты знают, за какую цену можно продать тот или иной вид из окна.

— Судя по отзывам ваших клиентов, в «Невском Альянсе» работают профи.

— Спасибо. Мы помогаем собственникам недвижимости найти подходящих клиентов и правильно оценить стоимость аренды офиса. На «Треугольнике» наши специалисты участвовали в реализации под офисы площадей реконструированного лабораторного кор-

пуса, построенного в советский период. Вид на Обводный канал не предлагали. Однако исторический центр города и близость к станции метро «Нарвская» также интересны клиентам. Не каждая фирма может позволить себе иметь офис на Невском проспекте или на Васильевском острове.

— Насколько дешевле аренда офиса в «Треугольнике» по сравнению с Невским?

— Почти в два раза. К лабораторному корпусу ГИОП обременений не предъявлял, и архитекторы имели полную свободу. Появилось много стекла на фасадах, просторные офисные помещения с максимально развитой инженерной инфраструктурой. Насколько я знаю, у владельцев других корпусов «Треугольника» также мало проблем с ГИОП, и через некоторое время деловая жизнь вернется в эти кирпичные стены. Это будет бесспорно удачный и логичный во всех отношениях проект сохранения памятника промышленной архитектуры Петербурга XIX века.

— А если специалистам «Невского Альянса» предложат продавать виды из окон зданий на Ново-Адмиралтейском острове после ухода с него Адмиралтейских верфей?

— Ревдевелопмент Ново-Адмиралтейского острова — достаточно крупный, значимый и сложный проект. Это огромные территории, около 65 га, которые сейчас занимают «Адмиралтейские верфи», и нужен не один год на реконструкцию существующих цехов, в которые впоследствии переедут «Верфи». После того как пройдет модернизация предприятия и значительный участок освободится под застройку новыми

объектами, разгорится борьба между крупными игроками рынка.

Виды на Неву и близость Английской набережной, конечно же, повысят стоимость не только земли, но и коммерческой недвижимости на Ново-Адмиралтейском острове. Это перспективный проект, способный при правильном подходе привлечь деньги из-за границы.

— Если в качестве обременения застройке Ново-Адмиралтейского острова будет участие в восстановлении храма Спас-на-Водах и создание музея в корабельных эллингах XIX века, то такое соседство не помешает повышению стоимости земли?

— Наоборот. На острове много зданий — памятников промышленной архитектуры, которые КГИОП потребует сохранить. Поэтому в них лучше размещать торговые центры, гостиницы, офисы, а свободные участки пустить под жилую застройку. Как показывает мировой опыт, сохранение зданий-памятников приводит к росту стоимости на недвижимость, если помнить о том, как работает экономика впечатлений, и правильно этим пользоваться.

«Идеологическая диверсия»

Идея восстановления петербургского храма Спас-на-Водах, предложенная группой энтузиастов в начале 1990-х годов, со временем созрела до более широкой концепции, предполагающей создание морского мемориального комплекса и своеобразного центра морской столицы России. Новый виток развития эта идея получила в последнее время в связи с грядущим переездом Адмиралтейских верфей и освобождением территории Ново-Адмиралтейского острова. О проекте рассказывает его инициатор — председатель правления Санкт-Петербургского Комитета восстановления храма Спас-на-Водах **Владимир Бельков**.

— Владимир Александрович, в каком состоянии находится сегодня проект создания морского комплекса? Доводилось ли Вам обсуждать идею с представителями власти, и в целом — появилась ли в этом вопросе какая-нибудь конкретика?

— Мы еще не выходили к отраслевым ведомствам с идеей создания крупного морского комплекса, поскольку заниматься организационной работой, созданием неких структур — преждевременно. Сейчас надо не суесться и просто дождаться времени, когда будут расставлены все точки над *i* в вопросе освобождения Ново-Адмиралтейского острова от промышленной застройки.

Когда в мае в Петербург приезжал председатель Правительства РФ Владимир Путин, мы ждали конкретных

решений по судьбе острова, но ничего конкретного сказано не было, на совещании обсуждались преимущественно вопросы, связанные с освоением шельфовых месторождений Арктики. Адмиралтейские верфи находятся сегодня на прежнем месте и функционируют в обычном режиме. К слову, у нас хорошие отношения с руководством предприятия, они приходят на наши мероприятия, периодически бывают здесь.

— А какие у Вас планы относительно территории, на которой построена часовня? Насколько известно, она передана в аренду на 49 лет — не планируете выкупить этот участок?

— Думаю, в этом нет смысла. Государство всегда может найти способ добиться своей цели и изъять участок, даже если есть свидетельство о собственности — например, сославшись на закон «О государственной необходимости». Поэтому нас совершенно устраи-

вает ситуация аренды. А поскольку деятельная гражданская позиция, вопреки расхожему мнению, ценится в России больше бумаги, сегодня мы стараемся как можно громче заявить через СМИ о том, что здесь ведется некоммерческая, общественно-полезная деятельность, реализуется проект, который полностью соответствует традициям и духу Петербурга. Ну а уникальность, историчность самого места предполагает, что данный проект должен быть общественным достоянием.

Если бы на территории Новой Голландии велась деятельность, подобная нашей, там не было бы допущено разрушение ряда исторических объектов, которые наверняка получили бы статус охраняемых памятников. Так что мы питаем надежды на общественную поддержку.

И потом, если вернуться к статусу земли, в России часто случается следу-

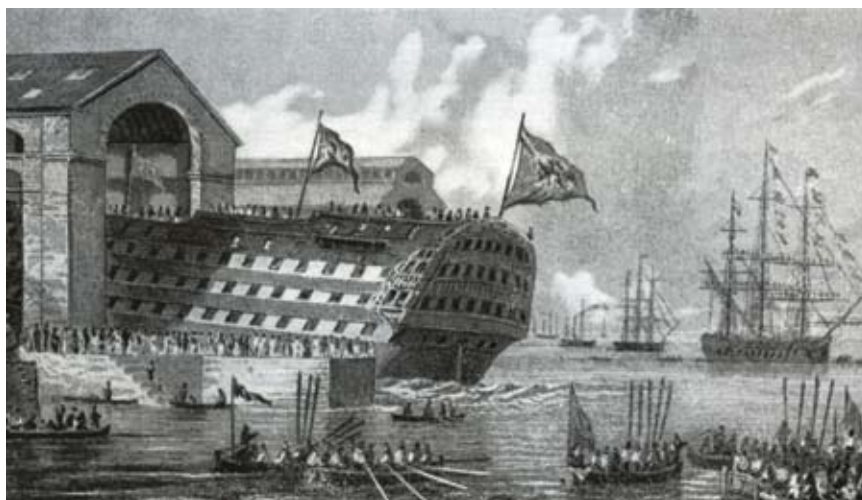
юшее: как только территория переходит в разряд частной собственности, тут же начинаются разные рейдерские захваты и махинации. С государственным имуществом такие номера все-таки сложнее провернуть. И если здесь будет создан крупный морской музей — федерального, российского уровня, — то таких проблем не будет.

— *Надо полагать, что столь масштабный проект должен реализовываться не на благотворительной основе. За чей счет будет «банкет»?*

— Раньше было принято говорить, что денег в стране нет, но сегодня ситуация изменилась, средства есть, и их надо вкладывать. В последние годы стало очень распространенным такое понятие, как государственно-частное партнерство, и как раз на принципах такого взаимодействия может быть реализован предлагаемый нами проект. Я считаю, что государство могло бы помочь Адмиралтейским верфям перебазироваться. Насколько мне известно, для переезда завода, модернизации и строительства новых цехов, подготовки освобожденной территории к застройке требуется примерно 500 млн евро. В федеральном масштабе это не столь большие деньги, тем более что половину этой суммы можно найти в негосударственных источниках.

Два года назад на заседании Морской коллегии при Правительстве РФ, проходившем в Смольном, обсуждались вопросы, связанные с возможностью создания нового морского музея, и министр транспорта Игорь Левитин сказал: «Покажите мне место на территории города, где можно было бы реализовать этот проект». Насколько помню, городские власти попросили некоторый тайм-аут, чтобы сначала разобраться с переездом Военно-морского музея, а уж потом заняться созданием нового. Чем это закончилось, не знаю.

Ново-Адмиралтейский остров идеально подходит для создания крупного мемориального морского центра, способного объединить огромное количество людей и организаций, связанных с морем. У любого музея имеются огромнейшие запасники, которые никто никогда не видел. В лучшем случае на экспозиции представлены 5% объектов, а 95% никогда не увидят света по вполне объективной причине: где вы будете выставлять мачты, торпеды, снаряды, пушки, модели кораблей? Площадь острова, предлагаемая нами под застройку, составляет 8 гектаров. Здесь находятся два огромных эллинга 1830 г. постройки — первые в мире большепролетные закрытые инженерные сооружения для строительства судов; так называемый «Корабельный дом» XVIII в.: здания

кузницы и некоторые другие. Как поступить с этими уникальными историческими объектами — неужели снести и построить на освобожденном месте очередную гостиницу?

И потом, есть морские события, которые отмечаются на федеральном уровне, во всероссийском масштабе, а в морской столице России нет специального места, где можно было бы достойно проводить празднования — по крайней мере БКЗ «Октябрьский» точно для этого не подходит. Например, в Лондоне есть церемониальный зал Ллойда, нечто подобное имеется и в других странах Европы. В России ничего такого пока нет.

— *Конечно, можно привести множество убедительных аргументов в пользу организации музейного комплекса именно здесь, однако надо помнить и о том, что это место очень привлекательно для бизнеса. Надо полагать, многие предприниматели были бы рады построить на Ново-Адмиралтейском острове какой-нибудь торгово-ресторанный комплекс и дорогое жилье.*

— Да, без закулисных течений тут, к сожалению, не обходится. Понятно, что бизнес и власть иногда переплетаются слишком тесно, и могу точно сказать, что сегодня существует серьезное лобби, которое пытается продать решение этого вопроса по своим каналам. Это прагматики, для которых ничего не значат протесты, мнения, идеи. С такой силой тяжело бороться, но ведь как раз в этом и состоит наша нравственная миссия — несмотря на все препятствия, проводить в жизнь, реализовывать здорovou государственную морскую идею.

Более того, дело не только в интересах бизнеса. Сегодня, как и в начале XX века, на уровне государства продолжается борьба мировоззрений и очень активно ведут себя апологеты допетровского сухопутного мышления, которые утверждают, что России не нужен флот и что все вопросы можно решить с помощью космических спутников. Эта опасная тенденция развивается на наших глазах, когда урезается и без того скудное финансирование судостроительных

программ, усугубляется кризисное положение морского образования. А корень всего в одном: нет единого центра, где генерировались бы морские идеи, выплываясь из славных морских традиций в некую единую доктрину развития России как морской державы. Есть такая шутка: если встретишь трех адмиралов, то они, скорее всего, будут представлять четыре разные общественные военно-морские организации, враждующие между собой.

— Проект создания крупного музейного комплекса рассчитан все-таки на достаточно долгий период реализации. А на какой стадии находится сегодня проект воссоздания храма Спас-на-Водах?

— У меня есть основания считать, что все вопросы со строительством храма будут решены в течение пяти лет, а пока мы готовимся. Необходимая для строительства документация имеется — это эскизный проект храма, чертежи, сметы, инженерные расчеты, найденные в архивах. Кроме того, собрана информация о внутреннем убранстве храма, о росписи, о мозаиках. Мы хорошо представляем,

как все должно быть сделано, и должен сказать, что при современных технологиях такой проект может быть реализован в течение нескольких месяцев.

Серьезным достижением является то, что удалось найти белый камень, известняк, которым были облицованы многие знаменитые русские храмы. Сто лет о нем никто не вспоминал, карьеры были уничтожены, заброшены. Благодаря Московской горной академии об этом материале снова заговорили, и мы стали первыми, кто привез его в Петербург. Этим материалом был облицован и Спас-на-Водах, и Федоровский собор, который сейчас восстанавливается возле Московского вокзала. Мы обладаем уникальным известняком, сохранившим следы каменноугольного периода мезозойской эры: листья, жуки, трилобиты — все это очень четко пропечаталось. Особенностью материала является его морозостойкость, высокая сопротивляемость агрессии среды. Есть похожие известняки, например, в Африке, но они не выдерживают наших морозов и рассыпаются.

Если бы каким-то чудом Ново-Адмиралтейский остров освободился прямо завтра, то мы были бы готовы немедленно приступить к реализации проекта. Но храм не должен быть одинок, не должен быть окружен лишь бездушными гостиницами и ресторанами. Вопрос надо решать комплексно, не только восстанавливая храм, но и создавая вокруг него соответствующую культурную среду.

— Не боитесь, что хорошая идея застрянет в шестеренках бюрократического аппарата?

— О чиновниках в России принято говорить в негативном контексте, но среди них много хороших людей, и если бы они встретили со стороны общества не только критику, но и поддержку, то дела пошли бы еще быстрее. Например, мои близкие друзья занимают достаточно высокие посты в различных органах власти, и я считаю, что это здравомыслящие и полезные для государства люди.

И потом, как может чиновник отрицать очевидную государственную пользу? Если бы к нему пришли и сказали: «Подпиши бумагу, мы будем строить бензоколонку», он не поставил бы подпись либо же подписал бы, но с опаской, понимая, что это преступление. А когда к нему приходят с проектом создания музея, морского центра — да любой нормальный руководитель скажет: «Это прекрасная и очень полезная идея!»

— Владимир Александрович, Вы говорите правильные вещи, но, простите, в этом все-таки чувствуется некий идеализм...

— А кто сказал, что идеализм — это плохо? Вспомните Достоевского: «Не надобно стыдиться своего идеализма и своих идеалов. Успокойся, ты проповедуешь прекрасное, а стало быть, истинное. Если уж такие люди, как ты, будут стыдиться своего идеализма, то кто же будет пророками». Мы не можем уйти в землянки, в леса, обреченно сказав, что Россия погибла и что чиновник все съел. Пока живем — надеемся.

В сегодняшней России еще очень слабое общество, многие люди просто не имеют гражданской позиции. Истоки этого известны: совсем недавно были смутные экономические времена, 90% общественных организаций просто ушли в небытие, потому что не смогли выстоять. Да, наша общественность не имеет необходимого единства, да, приходится очень трудно, но дело-то не в этом. Чем жаловаться, возьми да создай общественную организацию — настоящую, зарегистрированную, с банковским счетом и офисом, а уж после этого выступай, договаривайся, ищи инвесторов, решай оргвопросы. А работка эта

— черненькая, тяжеленькая, никто ее не любит, намного проще жаловаться и сетовать. Если вообще ничего не делать, Россия просто исчезнет. Общеизвестно: опираться можно лишь на то, что сопротивляется. Если со всех сторон идет сплошной «одобрям-с», образуется болото, в котором завязнет любое самое хорошее начинание.

Есть прессинг — надо сопротивляться. Комитет восстановления храма Спас-на-Водах неоднократно пытались разрушить, но ничего не получилось, потому что нам всегда удавалось находить людей, которые могли оказать поддержку. У нас накоплен большой опыт по решению разных вопросов, в чем-то он уникален, и мы готовы им поделиться.

Возьмите тот же ледокол «Красин» — в 1992 году его определили к переплавке и отогнали в Кронштадт. Только вмешательство моих друзей, госслужащих, которые, между прочим, очень рисковали, помогло спасти легендарный ледокол. Сегодня это филиал Музея Мирового океана, памятник федерального значения, получающий дотацию от Министерства культуры.

— В России, как и прежде, все держится на энтузиазме?

— Получается, что так. В советское время, которое сегодня принято вспоминать преимущественно со знаком «минус», нынешнее бездействие разных представителей власти расценивалось бы как идеологическая диверсия.

Вспомним про День ВМФ — в течение нескольких лет не было морского парада на Неве, а ведь это политический вопрос! К нам приходят натовские, китайские, японские военные корабли, прекрасные, с великолепным вооружением — а где же наш флот? В 2004 году,

когда парад в очередной раз едва состоялся, я обратился с просьбой помочь к вице-адмиралу Михаилу Моцаку, бывшему начальнику штаба Северного флота. Моцак сказал: «Посодействуем», и на следующий год в Петербург пришли корабли — двенадцать вымпелов Балтийского флота.

Эти парады крайне необходимы, и сегодня, может, даже больше, чем когда-либо. Люди, приходящие на набережные Невы семьями, с детьми, должны видеть: это наш флот, наши корабли, наша сила. Это как раз и есть патриотическое воспитание, благодаря этому и рождается гордость за свою страну, свой флот.

Возможно, прозвучит смешно, но на месте первых лиц страны я учредил бы гранты для энтузиастов, сохраняющих общее наследие, потому что именно на таких людях и держится страна. А у нас зачастую происходит все наоборот — не только не помогают, но еще и накладывают разные бюрократические обременения. Российское общество надо воспитывать, поощрять, приучать к инициативности, к деятельности. Да, 90-е годы сильно изменили людей, но пришло другое время — и пора меняться.

Технический музей востребован

Что общего у стран, имеющих развитую промышленность? Они создают музеи науки и техники и гордятся своими изобретателями, инженерами и предпринимателями. Музеи держатся на энтузиастах. **Станислав Янушевский** — директор Фонда открытого музея техники г. Вроцлава, председатель польского отделения Международного комитета по охране промышленного наследия, профессор, д. и. н., стопроцентный эн-

тузиаст — размышляет вместе с журналом «Конкуренция и рынок» о важной роли технических музеев в поддержании конкурентоспособности технического образования и промышленности.

— В создании вашего музея приняли активное участие многие польские предприниматели, понимающие важность воспитания у молодежи технического сознания и пробуждения интереса к национальной истории. Хотя экономическая ситуация тогда, в начале 1990-х годов, не слишком вдохновляла на инвестиции, не предполагавшие прямой и быстрой отдачи. И чего вам удалось добиться за это время?

— Наш Фонд, финансирующий и осуществляющий всю работу музея, создан в 1993 году с целью сохранения памятников промышленной архитектуры, а также устройств и приборов, позволяющих проследить историю развития технической мысли.

Администрация фонда находится прямо на реке Одра, на одном из наших экспонатов — старом буксире 1950-х годов постройки. Здесь мы устраиваем конференции и другие мероприятия, и здесь же я читаю лекции студентам Института истории архитектуры, искусства и техники Вроцлавского технического университета.

— Наверное, именно такой метод преподавания позволяет каждому студенту погрузиться в мир техники, увлечься делом, которое со временем станет его призванием.

— Особо хочу подчеркнуть: я не читаю лекций в аудиториях — только на судне, а мои слушатели работают на буксире в качестве моряков. И не только моряков: они еще составляют компьютерные программы, работают на экспозициях и вообще делают все, что нужно музею. Ежегодно такое обучение проходят около 200 студентов, у которых после такой практики, я уверен, в голове остается гораздо больше знаний, чем после теоретических лекций.

Кроме буксира мы имеем два старых судна, а также депо, где выставляются старые локомотивы, текстильные, электрические и прочие машины. Все экспонаты работают, причем за их консервацию и эксплуатацию тоже отвечают студенты. Помимо этого, в состав музея входит серебряная шахта XIV столетия и фольварк, где экспонируются старые автомобили, сельскохозяйственные орудия, бытовые приборы. Еще есть старая электростанция 1913 года, которая до сих пор производит электричество.

— Сегодня у нас, в Санкт-Петербурге, в связи с переездом ряда промышленных предприятий из центра на окраины, достаточно остро стоит вопрос развития и перепрофилирования освобожденных территорий. Уничтожение памятников промышленной архитектуры становится

грустным фактом. Вы наверняка сталкивались с аналогичными проблемами, и нам было бы очень интересно узнать, каким образом вам удалось спасти те исторические объекты, которые в настоящее время закреплены за вашим музеем.

— Такие проблемы типичны не только для России или Польши, но и для всей остальной Европы...

Если же говорить именно о нашем опыте, то многие польские фирмы имели объекты, которые были им уже не нужны с точки зрения развития предприятия. Но эти объекты интересовали нас с точки зрения исторической. И их нам передавали бесплатно.

После передачи, естественно, встал вопрос: «Где взять деньги для консервации?» Экономическая ситуация в стране в то время действительно была тяжелой, но наши партнеры помогли нам если не деньгами, то материалами. В определенной степени подобная практика сохраняется и сегодня. Например, ежегодно для ремонта судов нам требуется около 70 кг краски. И фирма, выпускающая краску, нам ее поставляет бесплатно. Для производителей это неплохая реклама.

— Неужели дело заключается только в рекламе? Наверное, играют роль и такие факторы, как национальная гордость, правильное понимание конкурентоспособного развития экономики и желание получить молодых специалистов?

— Реклама — один из способов улучшить имидж компании в глазах общества. Так что брать за нее деньги вполне естественно.

За 15 лет мы обзавелись хорошими связями, и, чтобы выпустить книгу или провести конференцию, нам, как правило, достаточно просто позвонить кому-нибудь из наших партнеров.

Поляки всегда трепетно относились к своей истории, что, в общем, естественно для народа, которому на протяжении многих лет пришлось вести борьбу за независимость.

Создание сильной промышленности и конкурентоспособной экономики содействует укреплению государственности не меньше, чем дипломатические успехи и победы на полях сражений. Наши предприниматели хорошо усвоили эту истину и понимают, что, помогая техническим музеям, работают на укрепление страны, пытающейся найти свое место в новой Европе.

— Многие российские предприниматели говорят, что они с удовольствием помогли бы музеям при условии, что средства, пущенные ими на благотворительные программы, учитывались бы при налогообложении. Как с этим обстоят дела у вас на родине?

— Льготы в налоговой сфере очень важны, хотя сами по себе не являются

ся панацеей. В Польше действительно созданы определенные условия, облегчающие работу музеев. Мы, например, можем выполнять конкретные заказы для предприятий. При нашем музее функционируют архитектурное и рекламное бюро, и мы всегда можем отработать предоставленные нам средства, именно осуществляя рекламу тех или иных компаний.

К тому же в Польше действует закон, по которому любой гражданин и любое предприятие обязаны отчислять 1% от своих налогов либо католической церкви, либо таким фондам, как наш. Многие выбирают нас. А это немалые деньги. И церковь относится к подобному положению без каких-либо обид или ревности. В конце концов, мы делаем одно дело, воспитывая, пускай и разными способами, патриотизм в молодом поколении.

— Судя по всему, Вы являетесь сторонником той точки зрения, что пропаганда научных и технических достижений польских (в вашем случае) ученых и предпринимателей, является необходимым условием создания сильной национальной экономики?

— Бесспорно. И предприниматели должны активно участвовать в этой пропаганде, поддерживая ее морально и материально. Ведь, помогая техническим музеям, они помогают воспитывать молодых людей, многие из которых впоследствии будут работать на их же предприятиях. Многие из вчерашних выпускников станут менеджерами, которые обязаны четко понимать, каким образом можно коммерциализировать то или иное изобретение, какие стратегии наиболее действенны на рынке и как нужно отстаивать свои интересы перед властью.

К тому же, повторюсь: помощь нашему музею — хорошая реклама и для компании, и для конкретного города или региона. В Санкт-Петербурге много

технических музеев, и местным властям следовало бы активнее помогать им. Да, посещая эти музеи, туристы оставляют в них очень небольшие деньги, но потом они гуляют по городу и тратят гораздо больше. Другое дело, что власти в лице чиновников не имеют здесь личной материальной заинтересованности. И в этом наши чиновники схожи с вашими. Так что основная тяжесть подобной работы все-таки падает на бизнес.

— Неужели никак нельзя заставить чиновников обратить внимание на проблемы технических музеев и необходимость спасения памятников промышленной архитектуры?

— Можно, но только при условии, что к этому приложат усилия руководители высшего уровня. И что само общество проявит активность в борьбе с чиновниками-бюрократами. В конце концов, речь идет не просто о бережном отношении к прошлому, но и о вещах, от которых зависит наше материальное благополучие.

Ведь охрана технических памятников — это лишь инструмент, с одной стороны, для развития туризма и экономики региона, а с другой — для воспитания молодежи. Нельзя строить современную страну, не воспитывая одновременно в людях техническую культуру. Можно поставить на предприятиях новейшее оборудование. Однако человек, не имеющий представления об истории техники, не сможет нормально работать на современных машинах.

Сегодня в Польше очень мало государственных музеев. Но определенная помощь государством, конечно, оказывается, главным образом через систему грантов. Каждый год министерство культуры устраивает конкурсы для таких организаций, как наша. Мы в этих конкурсах регулярно участвуем и, как правило, что-нибудь получаем. Аналогичные конкурсы проводятся и в других государствах Евросоюза.

В прошлом году, например, совместно с Европейским университетом во Франкфурте-на-Одере мы организовали для польских и немецких студентов речной круиз на одном из наших судов. И в финансировании этой программы участвовало германское консульство.

В целом, если оценивать структуру финансирования нашего музея, то примерно 60% мы получаем от бизнеса, примерно 30% зарабатываем сами, примерно 10% в той или иной форме получаем от государства.

— В ближайшее время эти пропорции не изменятся? И должны ли они меняться?

— Трудно сказать. Много зависит от политических и экономических факторов. Я думаю, что такая пропорция справедлива, поскольку именно бизнес больше всего заинтересован в технических музеях.

Правда, есть одно обстоятельство, внушающее тревогу.

Раньше экономическая ситуация была хуже, но во главе предприятий находились поляки, которые действительно стремились помогать нам, поскольку речь шла о польской истории. Сегодня экономическая ситуация улучшилась, однако степень взаимопонимания с бизнесом уменьшилась. Многие предприятия были куплены немцами, французами, и теперь, чтобы получить деньги, я должен ехать куда-нибудь в Брюссель к новым владельцам, которым проблемы сохранения нашего исторического наследия не слишком-то интересны.

— Возможно, таким же путем идет и Россия...

— Каким путем пойдет Россия, зависит от ее граждан. Могу только пожелать, чтобы вы избежали наших ошибок.

Переход от социализма к капитализму очень труден, но все-таки, при всех минусах, хорошо, что владельцами большинства предприятий являются теперь конкретные люди, а не государство. Экономика не может нормально функционировать без личной заинтересованности и без конкуренции. К тому же чиновники способны задушить любое живое дело...

— Помимо руководства музеем, Вы еще возглавляете Польское отделение Международного комитета по охране

промышленного наследия, в который входит еще около 50 стран. Вы сотрудничаете с нашими специалистами?

— Существующие проблемы определяются главным образом политическими факторами, в основе которых лежит взаимное непонимание, обиды, недальновидность и ошибки наших правительств. Знаете, мне бы очень хотелось ездить в Санкт-Петербург так же свободно, как в Париж, Берлин или Вену, но я понимаю, что это невыгодно ни нашим, ни нашим чиновникам, которые в этом случае лишатся кормушки.

Конечно, мы почти всегда находим общий язык с российскими исследователями и специалистами.

Недавно я вместе с историком Владимиром Михеевым выпустил книгу о выдающемся авиационном инженере Витольде Янковском. Собственно, вышло два издания — польское и российское, — несколько отличающихся друг от друга. То, что касалось семьи нашего героя, его жизни на родине, писал я, его деятельность в России освещал господин Михеев. И это самый обычный, если так можно выразиться, бытовой пример сотрудничества.

Если же говорить именно о спасении памятников, то объединять усилия необходимо. У нас достаточно опыта, которым мы готовы поделиться. А у вас масса уникальных объектов. К сожалению, в России многие памятники уже погибли. Я недавно побывал в Гатчине и видел место, где стоял дом, в котором жил легендарный авиатор Петр Нестеров. Видел пепелище, оставшееся от другого дома, связанного с именем одного из создателей русской авиации Александра Кованько. И я знаю, что в вашей стране зачастую после ликвидации предприятий их музеи фактически растаскиваются. И это только вершина айсберга! В Польше подобное было бы невозможно.

— Вы побывали в часовне на месте бывшего храма Спаса-на-Водах и ознакомились с концепцией создания здесь историко-мемориального морского комплекса, включающего в себя, помимо восстановленного собора, Музей науки и техники и Музей российского мореплавания. Как Вы оцениваете этот проект?

— Только вокруг нашего Вроцлавского музея существует около полутора сотен маленьких музейчиков. И я счи-

таю такое положение правильным и вполне естественным. С другой стороны, ваш проект показался мне достойным самого пристального изучения, поскольку то, что пригодно для средне-европейского города, отнюдь не всегда может подойти мегаполису, подобному Петербургу.

В случае реализации проекта такой музей мог бы спасти многие памятники, находящиеся сейчас в бедственном положении, дать «приют» экспонатам, которые фактически растаскиваются жуликами и аферистами, способствовать повышению туристической привлекательности Петербурга и, разумеется, сыграть роль в создании конкурентоспособной рыночной экономики. Конечно, с одной стороны, конкуренты лишают спокойствия, а с другой — помогают и самому не стоять на месте.

В какой форме должен быть создан подобный музей, мне судить трудно; единого рецепта здесь не существует, кроме одного обязательного условия — технический музей должен быть живым и динамичным.

Очевидно, многие старинные здания Адмиралтейских верфей действительно представляют собой замечательные памятники промышленной архитектуры, и музеефикация эллингов XIX века может сохранить их для потомков.

Разве бывает морская держава без бережного отношения к морским традициям? Все сильные морские страны создавали флот на высоком национальном подъеме, выделяя громадные денежные средства и прославляя отважных моряков. Морская романтика хождения под парусами и морские музеи занимают заметное место в осуществлении морской доктрины государства. Создание в корабельных эллингах начала XIX века на Ново-Адмиралтейском острове Санкт-Петербурга морского мемориала — дело высочайшей государственной важности. Морская общественность России считает: Президент России Д. А. Медведев поможет возродить храм Спаса-на-Водах и открыть национальный Музей мореплавания. Нужен первый выверенный импульс!

Моряки, судостроители и семьи моряков по достоинству оценят государственную мудрость, и любовь к российскому флоту сотворит чудо. ●

